ГОРЬКОВСКИЙ ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: М. Горький. Письма о литературе / Под научн. ред. А.Г. Плотниковой; сост. О.В. Быстрова, Е.В. Кудрина, Е.Н. Никитин, А.Г. Плотникова. М.: Литературный институт имени А.М. Горького, 2023. (Серия «Писатели о творчестве»). 368 с.

В.Н. Гусейнов

Российский государственный художественно-промышленный университет имени С.Г. Строганова, Москва, Россия; vagifng2007@yandex.ru

Аннотация: Рецензируемое новое издание писем Горького о литературе предназначено для студентов творческих вузов и литераторов. Охват тем, которых касается в своих письмах к коллегам по цеху Горький, безграничен. Читателя ждут радостные открытия тонких горьковских наблюдений и глубоких размышлений о литературе как трибуне, с которой можно «упрекать и мстить», о партиях и свободе от них, о совести — писателя и человека, об оптимизме и любви к жизни, о неравнодушии, о желании жить «с солнцем в крови», о боге, которого человек непременно встречает, как на пути «сверху вниз и внизу, в грязи», так и на пути «снизу вверх», о важности иметь чувство красоты, но еще более важном качестве иметь «хорошую, вдумчивую» душу, о литературе как наслаждении и литературе как служении, о ненависти к «достоевщине» в русском характере и еще о многом другом. Ценность рецензируемого издания в том, что горьковское наследие предстает здесь как никогда актуальным в своем стремлении «пробуждать в человеке гордость самим собой», в опыте конструирования социального оптимизма.

Ключевые слова: Горький; письма о литературе; конструирование; социальный оптимизм; инженеры душ; начинающие писатели

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-16

Для цитирования: *Гусейнов В.Н.* Горьковский опыт конструирования социального оптимизма. Рецензия на книгу М. Горький. Письма о литературе / Под научн. ред. А.Г. Плотниковой; сост. О.В. Быстрова, Е.В. Кудрина, Е.Н. Никитин, А.Г. Плотникова. М.: Литературный институт имени А.М. Горького, 2023. (Серия «Писатели о творчестве»). 368 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 192–201.

© Гусейнов В.Н., 2025

GORKY'S EXPERIENCE OF CONSTRUCTING SOCIAL OPTIMISM REVIEW OF THE BOOK: M. Gorky. Letters About Literature / Ed. by A.G. Plotnikova; comp. O.V. Bystrova, E.V. Kudrina, E.N. Nikitin, A.G. Plotnikova. Moscow, Gorky Literary Institute, 2023. (Series "Writers on Creativity"). 368 p.

Vagif N. Guseynov

Stroganov Russian State University of Design and Applied Arts, Moscow, Russia; vagifng2007@yandex.ru

Abstract: The peer-reviewed new edition of Gorky's letters on literature is intended for students of creative universities and writers. The scope of the topics that Gorky addresses in his letters to colleagues in the workshop is limitless. The reader will find joyful discoveries of subtle Gorky's observations and deep reflections on literature as a platform from which to "reproach and take revenge", about parties and freedom from them, about conscience — of a writer and a man, about optimism and love of life, about indifference, about the desire to live "with the sun in the blood", about God, whom a person will certainly meet, both on the way "from top to bottom and down in the mud" and on the way "from bottom to top", about the importance of having a sense of beauty, and even more important quality of having a "good, thoughtful" soul, about literature as pleasure and literature as service, about hatred of "Dostoevschina" in the Russian character, and much more. The value of the reviewed publication lies in the fact that the Gorky legacy appears here more relevant than ever in its desire to "awaken self-pride in a person", in the experience of constructing social optimism.

Keywords: Gorky; letters about literature; construction; social optimism; soul engineers; aspiring writers

For citation: Guseynov V.N. (2025) Gorky's Experience of Constructing Social Optimism. Review of the Book: *M. Gorky. Letters About Literature* / Ed. by A.G. Plotnikova; comp. O.V. Bystrova, E.V. Kudrina, E.N. Nikitin, A.G. Plotnikova. Moscow, Gorky Literary Institute, 2023. (Series "Writers on Creativity"). 368 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 2, pp. 192–201.

В 2023 году, в год 155-летнего юбилея А.М. Горького, две литературные институции, носящие его имя, академическая, Институт мировой литературы РАН, и образовательная, Литературный институт, объединились для издания тома избранных писем Горького о литературно-художественном творчестве — «Письма о литературе». Как сообщили составители, «книга предназначена для студентов творческих вузов, литераторов, всех знатоков и поклонников литературы и искусства».

На выход сборника отреагировал короткой, в саркастическом духе заметкой рецензент gorky.media[1], назвавший Горького писателем, «которого никто не читает, кроме Павла Басинского», порассуждавший об «олдскульных», для современных «криэйтив врайтеров»[2], рекомендациях Горького своим корреспондентам — начинающим авторам, подавляющее большинство которых так и не стало писателями выдающимися, и посетовавший на «душноватый» тон горьковских «упёртых» рекомендаций по овладению «техникой» литературного письма. В доказательство рецензент привел целый ряд действительно несколько комично звучащих сегодня горьковских «суровых» наставлений. Впрочем, автор рецензии признал, что «проблемы времен ликвидации безграмотности в наши дни зачастую неожиданно актуализируются» и в этом контексте, похоже, иронично оправдал «прагматическую и пропедевтическую» направленность издания.

На новое издание писем Горького откликнулся и журнал «Москва»[3], похваливший составителей за предоставленную возможность вспомнить интересные события и реалии прошлого, например перипетии подготовки и выхода в свет тех или иных изданий, а заодно отметив задушевный характер писем и их полезность для начинающих авторов.

Эти отклики, к сожалению, не способствуют тому, чтобы перепиской Горького заинтересовался современный молодой читатель или начинающий автор, т. е., те, кому, главным образом, и адресована книга.

Впрочем, такой реакции отчасти способствуют и акцентировки во вводной редакторской статье к сборнику, в которой утверждается, что «главной задачей писателя Горький считал постоянное самосовершенствование — обучение, осознанное чтение, вдумчивое письмо», в которой педалируется забота Горького о «литературной грамоте» и его известная борьба с бранными словами и литературными «вшами» — обилием шипящих и свистящих звуков.

Горьковская дидактика, ставшая, как следует из редакторского предисловия, едва ли не главным содержанием публикуемых писем, плохо рифмуется с выбранным составителями эпиграфом к книге: «Вы спрашиваете: как писать? Пишите так, как будто Вы — свидетель на вековом суде правды с кривдой…» (письмо В.Д. Пушкову, 23 ян-

[1] https://gorky.media/reviews/obedayas-razlagayushhimisya-trupami-knigi-nedeli/ (дата обращения: 14.03.2024).

[2] Так в оригинале статьи на сайте gorky.media

[3] https://moskvam.ru/publications/publication_3101.html?ysclid=lsudck8gw4456005983 (дата обращения: 14.03.2024).

варя 1929 г.)[4], в котором сконцентрирована идейная программа творчества писателя. Современному молодому читателю и начинающему писателю полезно помнить, что Горький, выходец из социальных низов, бунтарь-индивидуалист в начале творческой биографии и организатор-коллективист к концу жизни, был не просто свидетелем, но деятельным участником переломных событий рубежа XIX–XX вв. В нем мировая культура нашла самого горячего, последовательного и убежденного сторонника «восстания масс», которое определило ход истории XX века и продолжает свою тектоническую преобразовательную миссию в XXI веке. Позволим себе за составителей сборника сказать, что горьковские письма о литературе тем и ценны, что литературу Горький считал способной «запечатлевать в красках, в словах, в звуках, в формах то, что есть в человеке наилучшего, красивого, честного, благородного», что задачу литературного творчества Горький видел в том, чтобы «пробуждать в человеке гордость самим собой, говорить ему о том, что он в жизни — самое лучшее, самое значительное, самое дорогое, святое и что кроме его — нет ничего достойного внимания. Мир — плод его творчества, Бог — частица его сердца и разума» (Пятницкому, 1900)[5]; что литература виделась ему «серьезным, боевым делом» (Добровольскому, 1905), что она «у нас, на Руси, дело священное, дело величайшее» (Семеновскому, 1913), что творчество «дело строгое, оно требует от человека-писателя всех его сил» (Брыкину, 1926) и что художественному слову Горький отводил решающую роль в пробуждении лучших начал человека: «Человек! Это великолепно! Это звучит гордо!». И потому «Письма о литературе», характеризуют, в первую очередь, горьковскую программу воскрешения человека, уничтожения культурной отсталости трудового человека, создания «второй природы» городов из камня и бетона и конечной победы над главными врагами человечества — страданиями и смертью: «Наука является основой культуры, главной силою, творящей “вторую природу”, которая и есть — культура»[6]. Его письма к начинающим писателям — свидетельства его искренней веры в силу образования и культуры («три человека строят культуру: ученый, художник и рабочий»[7]) и его жажды вернуть раздавленному нуждой и черным трудом человечеству ренессансную веру в свои силы. Эти

[4] *Горький М.* Письма о литературе. М.: Советский писатель. 1957. (сост. А.И. Овчаренко). С. 380.

[5] Здесь и далее в скобках указываются адресаты писем Горького и годы написания писем, представленных в рецензируемом сборнике.

[6] *Горький М.* О культуре // Публицистические статьи. Л.: ОГИЗ-ЛЕНГИХЛ, 1933. С. 45.

[7] *Горький М.* О культуре // Публицистические статьи. Л.: ОГИЗ-ЛЕНГИХЛ, 1933. С. 46.

свойства личности Горького, раскрывающиеся с особой ясностью в его «дидактике», обращенной к молодым литераторам, объясняют, почему предложение России включить в 2018 году 150-летний юбилей писателя во Всемирный календарь памятных дат ЮНЕСКО было поддержано целым рядом европейских стран, а юбилейные празднования охватили ведущие культурно-образовательные площадки России, Италии, Франции, Индии, Китая, Южной Кореи.

Нельзя не согласиться с составителями в том, что культура литературного творчества, по Горькому, основывается на безукоризненном владении техникой художественного письма: «Не зная столярного или сапожного ремесла, не имея представления о свойстве того или иного дерева, той или иной кожи — невозможно сделать даже плохонький стул, сшить даже грубый сапог. Писательство — тоже мастерство, в известной степени, писатель должен хорошо знать свой материал — язык, слово» (Барсукову, 1926; Кулагину, 1928; Новицкому, 1933). Закономерно, что Горький ставит перед своими адресатами не проходные образцы литературной техники и требует учебы у классиков и даже отверженных им по идейным соображениям декадентов: «как писали Тургенев, Чехов, как пишет повести и рассказы Толстой. Читайте Пушкина, Лермонтова, Некрасова, новых поэтов, напр. — Бальмонта, он — декадент, но великолепно знает язык» (Добровольскому, 1905).

Горький, чье творчество 1920-х гг. отмечено исключительной экспрессией и орнаментальностью, выступает тонким и высоко эрудированным критиком, когда чувствует, что нарушено «чувство стиля»: «Когда в одном и том же стихотворении встречаются два столь далекие друг от друга слова, как — нерусское — “блик” и — очень русское! — “клоп”, — я говорю, что здесь нет стиля, нет единства. На мой взгляд, только ирония позволяет сближать столь далекое, — ирония Бодлера, например» (Аренс-Гаккель, 1915).

Особое внимание Горький уделяет усвоению писателями богатств родного языка: «читайте таких писателей, каковы Лесков, у него изумительно велик лексикон, т. е. много слов и чист язык» (Гребенщикову, 1913), — и требует умения неподражательно им пользоваться: «рассказ написан хорошим языком, хотя, порою, автор не точен в определениях, порою — неуклюж. Видно, что у него богатый лексикон, но в построении фразы он не самостоятелен еще, своего лица у его фразы нет, читаешь и кажется: что это уже было читано» (Тихонову, 1907). «С печалью вижу, — жалуется Горький Федину, — как мало внимания обращает молодежь на язык, стремясь не к пластичности фразы, а к фигурности ее, редко удивляя и почти никогда не убеждая» (Федину, 1924). Впрочем, это не мешало Горькому с пониманием относиться к писательскому поиску новых форм

и благословить стилевые открытия: «Надо искать то, что еще не найдено: новое слово, рифму, образ, картину. Поэт — эхо мира, а не только — няня своей души» (Ахумяну, 1916).

Опытный литератор, Горький знает, что «требования к форме литературного произведения стоят очень высоко» (Гребенщикову, 1912). И дело в том, что форма для Горького суть первейшее впечатление, которое вызывает произведение в читателе, и он призывает следить за ее соответствием содержанию, не стесняясь резких, а потому и запоминающихся приговоров: «ритмическая проза — опасная форма, в ней есть нечто ублюдочное. Писать ею о мужиках, кои в лаптищах и рубищах прут на заработки, — не кажется ли Вам, что это несколько — неловко, что ли? Как будто Вы мужиков этих в гостиные сытых любителей литературы направляете, а — чего им там делать?» (Касаткину, 1909).

Сам будучи утонченным стилистом, он не забывает предостеречь своих адресатов от чрезмерного увлечения литературным «дендизмом», который «выражается на Руси <…> и провинциальной манерностью» таких «гг. эстетов», подобных «титулярной советнице из Калуги в парижском платье», которая «еще не умеет носить его незаметно для себя самой» (Аренс-Гаккель, 1915). Предупреждает Горький и о пагубности подражательности, клише и штампов, на которые разменяны индивидуальные приемы великих писателей: «Никогда не начинайте рассказов "диалогом" — разговором, это прием старинный и неудачный» (Виридарской, 1929; Герасимовой, 1932).

С освоения этих простых, но важнейших умений, по Горькому, начинается литературное мастерство. Его требовательное отношение к «технике» как «литературной грамоте» обусловлено боевой программой творчества и убежденностью в высочайшем предназначении литературы: «литература, как Вы это чувствуете, — боевое дело, и, чтоб нанести врагу хороший удар, Вы должны отточить Ваше оружие, да будет оно гибким, острым, ранящим глубоко» (Никифоровой, 1909).

И если бы «Письма о литературе» были лишь практическим пособием для курсов литературного редактирования или техники литературного мастерства и культуры речи, тогда лучшим эпиграфом к сборнику стала бы цитата из другого горьковского письма: «Я слишком мало знаю Вас для того, чтобы говорить о чем-либо ином, кроме техники» (Гржебиной, 1919). Но рецензируемый сборник оказался гораздо шире и глубже оптики, заданной аннотацией: книга «может быть использована в учебной и воспитательной работе». Вспоминается признание Стендаля: «Печальная истина состоит в том, что до известной поры ученик вообще ничего не видит в при-

роде. Прежде всего нужно, чтобы рука его повиновалась, а затем, чтобы он разобрал, что взял учитель у природы. Если повязка спадет с его глаз, если он обладает каким-нибудь дарованием, он различит в природе вещи, которые он сам, в свою очередь, должен воспроизводить, чтобы доставлять удовольствие людям с такой же душой, как у него. Всего труднее то, что нужно иметь душу»[8]. Вот и Горький — вслед за Стендалем — учит: «Вам необходимо много работать над формой, необходимо обязательно — почему? Потому, что Вы должны писать. У Вас есть то, что зовется искрой Божией, есть чувство красоты, есть чуткость зрения и слуха, а главное — хорошая, вдумчивая душа» (Ярцевой, конец 1900 — начало 1901).

Итак, подготовленная новая книга писем Горького о литературе оказалась богаче и лучше, чем о ней думали ее составители. В ней раскрывается с большой полнотой горьковская программа воспитания нового типа художника — творца, способного своим мастерством, помноженным на талант, к «конструированию» нового типа личности. Этой генеральной теме был посвящен доклад Горького на Первом съезде советских писателей в августе 1934 г.: «Государство пролетариев должно воспитать тысячи отличных "мастеров культуры", "инженеров душ". Это необходимо для того, чтобы возвратить всей массе рабочего народа отнятое у нее всюду в мире право на развитие разума, талантов, способностей. Это намерение, практически осуществимое, возлагает на нас, литераторов, необходимость строгой ответственности за нашу работу и за наше социальное поведение. Это ставит нас не только в традиционную для реалистической литературы позицию "судей мира и людей", "критиков жизни", но предоставляет нам право непосредственного участия в строительстве новой жизни, в процессе "изменения мира". Обладание правом и должно внушить каждому литератору сознание его обязанности и ответственности»[9].

Молодой задор борьбы с жизнью, бунтарский по своей природе социальный оптимизм, веру в способность человека справиться, совладать с трудностями жизни — «Но однако, что же такое — жить? Я думаю, — напишет молодой Горький, — что это [значит] занятие приятное, вроде танца — неутомимого и бешеного танца. Нужно так танцевать — чтоб всем кругом было весело, и для этого нужно чаще наступать ногой на всякую гадость жизни, на пошлость, чтобы она пищала и чтоб из нее сок брызгал» (Средину, 1900), — эту убежденность Горький пронес через всю жизнь, хотя всегда сохранял

[8] Стендаль. История живописи в Италии // Собрание сочинений: В 12 т. Т. 8. М.: Правда. 1978. С. 116.

[9] Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: Стенографический отчет. М.: Художественная литература, 1934. С. 18.

критическую способность рационально оценить сопряженные с нею трудности: «но это, кажется, только картинка, а не исполнимо. Как будешь плясать, когда поясница болит?» И все же неприятие страдальчества, культивируемого русской классической литературой, — одна из сквозных тем его эпистолярия: «Акакий Акакиевич, "Станционный смотритель", Муму и все другие "Униженные и оскорбленные" — застарелая болезнь русской литературы, о которой можно сказать, что, в огромном большинстве, она обучала людей прежде всего искусству быть несчастным. Обучались они этому ловко и добросовестно. Нигде не страдают с таким удовольствием, как на Святой Руси. От физических страданий нас, все более успешно, лечат доктора, а — от моральных Толстые, Достоевские и прочие, коих в сем случае я бы назвал деревенскими "знахарями", они тоже бывают и мудры, и талантливы, однако ж чаще усугубляют болезнь, а не излечивают ее. Аз есмь старый ненавистник страданий и физических, и моральных. И те, и другие, субъективно и объективно взятые, возбуждают у меня негодование, брезгливость и даже злость. Страдание необходимо ненавидеть, лишь этим уничтожишь его. Оно унижает Человека, существо великое и творческое» (Федину, 1926).

Горьковская вера в возможность «конструирования» социального оптимизма находит отражение в его поздних, после переезда из Сорренто в Москву, письмах, где он раскрывается как позитивист, искренне убежденный в возможности найти, руководствуясь доводами рассудка, однозначные ответы на самые сложные вопросы бытия, в том числе социального: в письме Гроссману он утверждает, «что существует две правды и что в мире нашем количественно преобладает подлая и грязная правда прошлого, а — на смерть ей — родилась и растет другая правда. Вне столкновения, вне борьбы этих правд нельзя понять ничего, это — тоже известно» (Гроссману, 1932). Обращаясь к своему адресату, попавшему под подозрение в контрреволюционности, Горький так продолжил эту свою мысль: «Автор неплохо видит правду прошлого, но не очень ясно понимает, что же ему делать с нею? Автор правдиво и со вкусом изобразил тупоумие шахтеров, их пьянство, драки и вообще все то, что — должно быть — преобладает в его — автора — поле зрения. Конечно, это — правда, очень скверная, даже мучительная правда, с нею необходимо бороться, ее нужно без пощады истреблять. Ставит ли автор перед собой эту цель?» (Гроссману, 1932).

Охват тем, которых касается в своих письмах к коллегам по цеху Горький, безграничен: читателя ждут радостные открытия тонких горьковских наблюдений и глубоких размышлений о жизни, когда он пишет о своем отвращении к умным, но не умеющим чувствовать

людям, о своем страстном желании «иметь врагов», о литературе как трибуне — чтобы «упрекать и мстить», о партиях и свободе от них, о совести — писателя и человека, об оптимизме и любви к жизни, о неравнодушии, о желании жить «с солнцем в крови», о боге, которого человек непременно встречает — как на пути «сверху вниз и внизу, в грязи», так и на пути «снизу вверх», о том, возможно ли существование чего-то «выше бога», о важности иметь чувство красоты, но еще более важном качестве иметь «хорошую, вдумчивую» душу, о литературе как наслаждении и литературе как служении, о необходимости думать не только о литературной, но и общественной значимости произведения, о народе и толпе, о критике и самокритике, «коя суть свирепейшая из всех "критик"», о ценности и уникальности жизни каждого отдельного человека, о ненависти к мещанству, о глубокой нелюбви к крестьянству, о ненависти к «достоевщине» в русском характере и еще о многом-многом другом.

Читателя порадует также не только несомненно общий высокий научный уровень издания, но и продуманное композиционное его построение, существенно облегчающее навигацию в пространстве книги: письма, расположенные в хронологическом порядке, сопровождаются краткой биографической справкой об адресате и кратким научным комментарием, которые размещаются не в конце книги, как это часто бывает, а сразу после каждого из текстов писем, и читателю не приходится по многу раз листать книгу вперед-назад.

Подобное устройство научного аппарата — это не просто «удобство пользователя»: его ценность в том, что оно ненавязчиво поддерживает возникающий читательский интерес, создавая у читателя представление о взаимоотношениях Горького и его корреспондентов, и поощряет к дальнейшим самостоятельным поискам — с помощью точных отсылок к конкретным текстам собраний сочинений писателя, приводимых в справке и комментариях. В этом отношении издание — прекрасный подарок исследователям — студентам-гуманитариям и их преподавателям. Однако такой компактный и емкий способ представления материала, при его несомненных достоинствах, к сожалению, оказался не свободен в ряде случаев от дублирования информации — в справках и комментариях. Не получает должного подтверждения и заявленное в редакторской статье утверждение, что в сборнике представлены «мысли и советы Горького литераторам в невозможной прежде широте и разнообразии», а также интригующее предупреждение о том, что большинство включенных в сборник писем «многие десятилетия было недоступно для читателей». Точнее было бы сказать, что по сравнению с предыдущим, более полувековой давности изданием одноименного сборника горьковских писем (М., «Советский писатель», 1957, сост.

А.И. Овчаренко), содержавшего письма Горького только к «разрешенным», именитым, советским и зарубежным его корреспондентам (всего 412 писем), в новом издании мы встретим как знакомые уже имена его корреспондентов, так и новые, малоизвестные имена, что делает данное издание — при меньшем числе представленных писем (их всего 85 в рецензируемом сборнике) — и более разнообразным, и гораздо более «демократичным».

Но все эти замечания не умаляют несомненных достоинств сборника. Изданная малым тиражом 500 экземпляров, книга уже исчезла с прилавков магазинов. Электронную версию книги, к сожалению, издательство, похоже, не предусмотрело. Тех же, кому все же повезет приобрести сборник, порадует и удобный, карманный, формат и полумягкая обложка, которые позволят не расставаться с книгой даже в дороге.

И последнее. Книжка вышла в возобновленной Литинститутом серии «Писатели о творчестве» — за что инициаторам этого проекта отдельное спасибо.

Поступила в редакцию 03.04.2023
Принята к публикации 28.08.2024
Отредактирована 06.03.2025

Received 03.04.2023
Accepted 28.08.2024
Revised 06.03.2025

ОБ АВТОРЕ

Гусейнов Вагиф Нариман оглы — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории искусств и гуманитарных наук РГХПУ имени С.Г. Строганова; vagifng2007@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vagif N. Guseynov — PhD, Associate Professor, Department of Arts History and Humanities, Stroganov Russian State University of Design and Applied Arts; vagifng2007@yandex.ru